ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ США
Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда

27 апреля 2015 г.

ОБСУЖДЕНИЕ ГРУППОЙ ЭКСПЕРТОВ

Том Малиновски, помощник государственного секретаря по вопросам демократии, прав человека и труда
Участники: Питер Хэймонд, Мелисса Чэн, Кэтлин И. Маклафлин и Уильям Уэн
О положении в области прав человека: свобода СМИ и доступ к прессе в Китае

27 апреля 2015 г.
Государственный департамент США
Вашингтон (округ Колумбия)

Г-н ХЭЙМОНД: Все готовы? Доброе утро и добро пожаловать на сегодняшнее обсуждение положения в области прав человека. В преддверии Всемирного дня свободы печати, отмечаемого 3 мая, темой сегодняшнего мероприятия является свобода СМИ в Китае. Меня зовут Питер Хэймонд, я являюсь директором отдела по делам Китая и Монголии в Государственном департаменте. Хочу поблагодарить всех вас за участие в нашем мероприятии, как присутствующих в этом зале, так и присоединившихся к нам по электронным каналам, и хотел бы особо поблагодарить наших экспертов, которые приехали на сегодняшнее мероприятие со всех концов страны.

Также добавлю, что мы ожидали присутствия сегодня здесь Джеймса Фаллоуза из журнала *The Atlantic*. К сожалению, его вызвали присяжным в суд, так что иная гражданская обязанность не позволит ему быть сегодня с нами. Однако мы рады, что остальные три эксперта смогли принять участие в нашем обсуждении.

Сегодняшнее обсуждение будет проходить в интерактивном формате, и мы ответим на вопросы присутствующих в зале и онлайн. У нас имеется команда, отслеживающая вопросы в Твиттере, поэтому те из вас, кто пользуется сервисом Твиттер, могут задавать вопросы в любое время по хэштэгу #StateofRights. Название хэштэга – #StateofRights.

Также, на сайте humanrights.gov/stateofrights организована трансляция сегодняшнего обсуждения. Адрес сайта – humanrights.gov/stateofrights.

И, наконец, я хотел бы представить модератора сегодняшнего обсуждения, помощника государственного секретаря по вопросам демократии, прав человека и труда, Тома Малиновски, который сделает некоторые вступительные замечания. Г-н помощник секретаря Малиновски, вам слово.

ПОМОЩНИК СЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Большое спасибо, и спасибо всем, кто присоединился к нам сегодня для участия в этом важном мероприятии. Сегодня в этом зале и, собственно, на этой неделе в Государственном департаменте мы отмечаем свободу печати. Мы делаем это каждый год примерно в это время. Мы анализируем и вновь заявляем нашу приверженность принципам продвижения свободы печати во всем мире.

Мы отдает долг памяти журналистам, пожертвовавшим своими жизнями или свободой при выполнении журналистской работы и призываем правительства признать универсальное право человека на свободное выражение мнения как электронными, так и традиционными методами.

Как вы уже знаете, сегодня Государственный департамент объявляет о начале нашей четвертой по счету ежегодной кампании «За свободу печати». Эта кампания очень и очень важна для нас, хотя, похоже, она не является достаточным основанием, чтобы освободить человека от обязанности присяжного в суде. (Смех.) В рамках этой инициативы мы рассказываем о подвергающихся опасности репортерах и СМИ, в отношении которых применяется цензура, устраиваются атаки, исчезновения, поступают угрозы или осуществляются иные репрессии в связи с их «страшным преступлением» – честной и правдивой журналистской работой. Каждый день на этой неделе представитель Госдепартамента будет рассказывать о двух или трех случаях опасности, угрожающей журналистам и СМИ. Например, сегодня мы расскажем о случае недавно осужденного китайского ветерана журналистики Гао Юй, уважаемого и заслуженного репортера, недавно приговоренного закрытым судом к семи годам тюремного заключения по обвинению в передаче государственных секретов иностранному средству массовой информации. Мы разместим материалы о Гао Юй и других журналистах на сайте www.humanrights.gov и будем рассказывать об этих случаях по Твиттеру с хэштэгом @FreethePress. Я призываю всех вас делиться своими историями с обществом – писать о них в Твиттер, в блогах, размещать их в интернете или, если нет иного пути, пользоваться старым проверенным способом распространения информации – просто рассказывать своим родным и близким.

Цель данной кампании проста – выступить от имени репортеров, которые не могут сами выступать от своего имени, призвать правительства к защите права свободы выражения мнений и подчеркнуть нашу приверженность делу продвижения этих принципов во всем мире.

Государственный секретарь Керри, выступая в январе на «Открытом форуме по безопасности журналистов» в этом здании, сказал: «Свобода прессы – печатной, радио и телевизионной – подвергается целенаправленной атаке. Это происходит потому, что некоторые люди, группы и даже целые правительства желают диктовать свою версию правды, определять ее, утаивать то, что, как мы знаем, является правдой. И, конечно, мы не можем допустить и не допустим, чтобы это происходило, особенно после возмутительных событий 7 января в Париже».

Это подводит нас к Китаю. Мне не нужно объяснять вам, что журналистская работа в Китае важна, что она должна выполняться правильным образом, а также, что это – исключительно трудная работа. Ограничения, которым сейчас подвергаются журналисты – и иностранные и, в особенности, местные – затрудняют выполнение журналистами их важной работы. Китайский и американский народы хотят и должны понимать друг друга. Мы учимся и занимаемся бизнесом в странах друг друга. Между гражданами наших стран существуют глубокие связи. Поэтому журналистика является невероятно важной частью наших отношений с Китаем. Энергичное и честное освещение наших стран средствами массовой информации друг друга критически важно для содействия взаимному

пониманию при наших совместных действиях по преодолению проблем и использованию возможностей.

И здесь я хотел бы отметить, что китайские журналисты имеют абсолютно свободный доступ в США. Китайские официальные лица имеют все возможности доступа, чтобы донести свою точку зрения до американского народа. И если подумать об этом с практической точки зрения, то в случае какого-либо серьезного кризиса между США и Китаем образуется дисбаланс, поскольку американский народ будет иметь полный доступ к точкам зрения китайского правительства и китайского народа, но китайский народ при нынешних ограничениях будет лишен такого доступа к нашей точке зрения и к содержанию заявлений американского правительства и народа.

Итак, на фоне вышесказанного имеются иные тенденции, действующие в другом направлении. Люди в Китае и по всему миру сегодня обладают более широкими возможностями, чем когда-либо, за счет доступа к социальным сетям и к средствам коммуникаций, которые трудно поддаются контролю со стороны государства. И это, скорее всего, отчасти объясняет жесткую реакцию китайского правительства, которую мы наблюдаем сегодня.

Цифровые платформы в Китае и во всем мире дают людям возможность создавать и рассказывать свои истории, и это как раз то, что мы хотим поддерживать. Великий американский журналист Эдвард Мюрроу когда-то заметил: «Действительно важнейшим звеном в международном общении является последний метр, который преодолевается в личном контакте, в разговоре одного человека с другим». Сегодня интернет позволяет нам преодолевать эту дистанцию гораздо легче, чем в прошлом. Миллионы китайских и американских граждан имеют возможность устанавливать связи и расширять наше взаимное понимание друг друга.

Все это позволяет самым разнообразным видам диалогов происходить одновременно, что для меня, как официального лица правительства, важно и отрадно. Люди могут разговаривать с правительствами, правительства могут разговаривать с людьми, и если такой диалог продолжится – если ему будет позволено продолжиться – то Китай станет более стабильной, динамичной и процветающей страной, а для Соединенных Штатов мир станет более безопасным.

Сегодня мы пригласили для обсуждения этих вопросов несколько заслуженных журналистов, которым предмет нашего обсуждения знаком, пожалуй, лучше, чем кому бы то ни было. Сегодня с нами китайский корреспондент «Вашингтон Пост» в Пекине Уильям Уэн, Мелисса Чэн, в прошлом корреспондент «Аль-Джазира» в Китае, а сейчас корреспондент «Аль-Джазира Америка» в Сан-Франциско, и последняя по счету, но не по значению, Кэтлин Маклафлин, журналистка, работающая в Китае больше десяти лет. Ее репортажи охватывали многие темы – от нарушений в сфере труда до политики и социальных волнений в этой стране.

И я хочу поблагодарить всех вас за участие в нашем сегодняшнем обсуждении, за ваши уникальные знания и готовность поделиться ими, а теперь, я думаю, пришла пора предоставить слово вам. И, пожалуй, я начну – и сейчас же присоединюсь к вам – но начну с одного вопроса вам, Уильям. Мы, я думаю, довольно подробно поговорим о

вашем опыте работы иностранными корреспондентами в Китае и трудностях, с которыми сталкивались вы и некоторые ваши коллеги. Но, я думаю, нам следует начать с неприятностей и злоключений, с которыми сталкиваются китайские журналисты, и я хочу попросить вас также рассказать о тенденции за последние несколько лет для китайских журналистов, работающих как с китайскими СМИ, так и с иностранными корреспондентами. Спасибо.

Г-н УЭН: Хелло? Окей, отлично. Спасибо – хочу поблагодарить вас за приглашение и поблагодарить Государственный департамент за внимание к этой проблеме. Сейчас в Китае наступили в некотором смысле весьма странные времена, когда в целом ряде сфер права человека как таковые подвергаются жесткому давлению с интенсивностью, которая не наблюдалась уже лет десять, если не больше. И особенно сильно это давление действует в отношении свободы прессы. Мне кажется, что после смены руководства стало происходить так – они хватают людей из каждой сферы и просто бросают их в тюрьмы, иногда это сопровождается избиениями и угрозами их семьям, и работники прессы не являются исключением из этого. Что касается китайских журналистов, то кажется Комитет защиты журналистов заявлял, что ни во одной стране не заключено в тюрьмы столько журналистов, сколько в Китае, и это все китайские журналисты, а не работающие в стране иностранные корреспонденты.

И поэтому в моем представлении ситуация сегодня может быть описана как «раньше было плохо, а сейчас стало еще хуже». Мне думается, что для китайских журналистов часть проблем связана с тем, что государство часто дает им ежедневные указания о том, что они могут и не могут публиковать. Много старых журналистов уходят, они ушли из журналистики, потому что они не могут делать ту работу, ради которой они пришли в профессию, а их семьям поступают угрозы, и их источник существования оказывается под угрозой.

Некоторые представители старого поколения делают весьма интересные вещи как, например, сейчас идет кампания против коррупции – антикоррупционная кампания среди государственных чиновников. Где-то год-полтора назад стали появляться все эти видеоролики о чиновниках на роскошных банкетах, а в результате многие чиновники попали под расследование. Было много секс-видео всяких оргий, которые они устраивали, что довольно любопытно. Но те журналисты также... сперва государство хвалит их, дескать, «о, вы боретесь против коррупции», а затем их очень быстро, через несколько недель начинают преследовать. Так что проблем много.

А среди молодого поколения журналистов, ведь я много общался с многими из них за последние три года, и сердце сжимается оттого, что так много из них приходят в профессию, как и молодежь в США, с таким идеализмом и энергией и движимые такими побуждениями, которые вызывают подлинное восхищение. Но как только они начинают работать в этой системе и видеть ее ограничения... один из них описал это в своей газете как танец в кандалах. Они не могут... они ограничены в своих действиях. Кто-то описал это как черту, которая не обозначена четко, и вы узнаете, что пересекли ее, когда уже поздно. Поэтому китайские журналисты применяют самоцензуру, пытаясь угадать, что государство разрешит публиковать, а что нет, и когда они осознают... они ведь всегда пытаются раздвинуть рамки дозволенного, и когда они осознают, что зашли слишком далеко, то уже слишком поздно.

ПОМОЩНИК СЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Может быть... а вот так? О, ну вот. (Смех.) Слишком громко. Нет, не думаю, что это у вас. Просто держите кнопку нажатой.

Г-жа МАКЛАФЛИН: Сейчас работает?

ПОМОЩНИК СЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Ну вот.

Г-жа МАКЛАФЛИН: Я хотела бы продолжить и попытаться дать некий исторический обзор условий для иностранных журналистов в Китае, поскольку я сама прожила часть этой истории. Я приехала в Китай в первый раз в 2003 году для работы корреспондентом, и в момент моего приезда в 2003 году правила были довольно обременительными. В первую очередь я бы назвала самым затруднительным правило, согласно которому мы не могли ездить за пределы места базирования без предварительного разрешения оттуда, куда мы собирались ехать. Например, если вы хотели освещать последствия землетрясения в Шаньдуне, вам нужно было получить разрешение от шаньдунских чиновников, что – вы можете представить себе китайскую бюрократию – было непросто, а зачастую и невозможно. По-моему, за первые годы работы я просила выдать разрешение на поездки один или два раза и ни разу его не получила.

Ближе к Олимпиаде-2008 китайское правительство пошло на большой шаг – отменило данное правило. И я прошу прощения, у меня руки трясутся из-за нервов, так что я... (смех). В общем, это был крупный шаг вперед для нас. Нам разрешили ездить по стране без необходимости предварительного разрешения и без существенных ограничений, и это резко изменило ситуацию к лучшему. Я помню, как сразу после изменения правил в 2008 году мы пересекали границы провинций и полиция нас останавливала, а мы им показывали правила, установленные Государственным советом, гласящие, что нам позволено тут находиться. Но довольно быстро после изменения правил... то есть мы наблюдали, как ситуация продолжает улучшаться, а затем довольно быстро мы увидели, как все откатывается назад.

И, я бы сказала, к 2012 году стали происходить довольно серьезные изменения к худшему. В этот период Клуб иностранных корреспондентов в Китае, который представляет собой действующий на добровольных началах совет корреспондентов, работающих в Китае, стал проводить опросы среди своих членов по поводу проблем, с которыми они сталкиваются во время журналистской работы. Вот у меня есть для вас кое-какие цифры из нашего последнего опроса, в 2014 году. Опросы обычно проводились в мае, так что следующий выйдет только через пару месяцев. Но последний опрос обнаружил, что две трети иностранных корреспондентов, работающих в Китае, сталкивались с преследованиями и вмешательством при исполнении своих обязанностей в ходе предшествующего года. Половина журналистов, у которых были китайские новостные ассистенты, сказали, что их ассистенты подвергались преследованиям, а это на 35% выше, чем в предыдущем году. В 66 случаях китайские источники подвергались преследованиям за общение с иностранными СМИ. И, пожалуй, самое важное и тревожное это то, что 18 процентов иностранных корреспондентов сталкивались со сложностями при продлении своих пресс-карт и виз. Среди них половина сказали, что их проблемы связаны с их репортажами.

Поэтому мы вступили в эру, когда то, что вы пишете или о чем ведете свои репортажи, как в случае Мелиссы, фактически влияет на вашу возможность работать журналистом в Китае. И, я думаю, мы всегда подозревали, что это так, но теперь есть тому подтверждение в нескольких случаях. И это привело нас в эту эру, когда, я думаю, многие иностранные корреспонденты, мы всегда ощущали эту потенциальную самоцензуру, и это во многом связано с необходимостью оберегать наши источники, для безопасности наших китайских сотрудников, но сейчас мы вступили в эру, когда сам предмет наших репортажей и то, как мы его освещаем, может влиять на нашу возможность вести журналистскую работу в этой стране.

Поэтому я бы сказала, что это новое и тревожное развитие событий. Никто еще не придумал, как с этим справляться. Я хочу сказать, что мы слышали всякие предложения касательно визовой взаимности и тому подобное, но я не думаю, что кто-то действительно придумал, как можно решить эту проблему.

Вот такой эпизод из моей личной истории, так сказать, на полях: в течение трех лет я пыталась получить аккредитацию от «Глобал Пост», которая является электронной новостной организацией. Китай не дает аккредитацию сетевым медиа, так что у меня ничего не получилось. Есть только одна новостная организация, работающая в интернете, которая сейчас получила временную аккредитацию. По-моему, им дали шестимесячную визу. Но вы можете себе представить, что за времена мы переживаем, если люди получают свои новости на BuzzFeed. Они не читают – извини, Уильям – они не читают новости, они вообще больше не читают прессу. И всему этому сегменту индустрии массовой информации не разрешено легально заниматься журналистской работой в Китае. И вот теперь у нас ограничения во всех этих сферах, а ситуация не улучшается, как было в 2008 году, а потенциально ухудшается.

И, я думаю, сейчас мы передадим микрофон Мелиссе, которая может нам рассказать–

ПОМОЩНИК СЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Да, пожалуйста, не могли бы вы продолжить? Правда, я думаю, тут многие знают вашу историю, но не все, поэтому не могли бы вы начать с этого? А затем мне было бы также интересно узнать ваше мнение по вопросу самоцензуры. Окей.

Г-жа ЧЭН: Я думаю, одна из ... частично я здесь сегодня потому, что в 2012 году я была выслана из Китая, и, по-моему, это был первый случай высылки иностранного репортера за 14-15 лет. И на тот момент китайское правительство фактически и сделало это – до этого я провела в Китае четыре года. Обычно просто идешь и продлеваешь визу. Английская редакция «Аль-Джазира» решила называть мое отбытие высылкой. Формально китайское правительство просто не продлило мою визу. Это было ненормально в том смысле, что для большинства журналистов, которые уже приехали в Китай и поработали там, обычным порядком вещей было в конце года продлевать визу и работать по ней еще год. Вместо этого мне дали двухмесячную визу, что фактически было сигналом, чтобы держать меня или, как минимум, редакцию «Аль-Джазира» на коротком поводке.

И они таки не объяснили мне... их версия, почему они так сделали, менялась. Изначально недовольство китайских властей вызвал документальный фильм, который сделала «Аль-

Джазира», но в работе над которым я не принимала участия. После моего отбытия началась кампания дискредитации – государственные СМИ опубликовали несколько статей. То есть в одной из статей они даже не называли меня по имени. Я была как Вольдемор или типа того – тот, чье имя нельзя произносить. И кампании дискредитации, мне кажется, являются стандартным инструментом в авторитарных странах, когда дело касается журналистов – если вас обвиняют в нарушении этики и морали, то вся ваша работа неожиданно оказывается под сомнением.

Только через каналы третьих сторон, потому что китайские дипломаты со мной ни разу не разговаривали после моего отъезда, но они разговаривали с делегациями, другими журналистами, [стало известно] что я, очевидно, нарушила какие-то законы, но они так никогда и не уточнили, что это были за законы.

И в то время, когда мне была выдана двухмесячная виза, это было сильным сигналом. И я думаю, что журналистам неприятно говорить о концепции самоцензуры, потому что мы хотим делать вид, что мы не используем самоцензуру. Но учитывая, что речь идет о такой стране, как Китай, мне довелось достаточно пообщаться с иностранными репортерами по поводу того, какими соображениями они руководствуются при выборе одной истории вместо другой. И, конечно, в ходе этих двух месяцев мы работали как обычно, но были моменты когда я говорила [себе]: «Так, похоже наладить отношения не удается. Наверное, мне не стоит настаивать». Для меня это не повод для гордости, но, я думаю, это происходит со всеми нами.

Так или иначе, по истечении этих двух месяцев мне дали новую визу, сроком на один месяц, что было еще более коротким поводком. И я рада, что в конце концов я поступила правильно, потому что мне было важно продемонстрировать китайскому правительству, что запугивание не работает. В свой последний месяц я решила поработать над историями, которые, откровенно говоря, я не стала бы освещать с таким рвением, если бы меня не подвергли такому давлению. И я решила вернуться к истории о «черных» тюрьмах – нелегальных центрах заключения в Китае. Они существуют в Пекине. Центральное правительство часто перекладывает вину за нарушения прав человека и иные нарушения на провинциальные правительства, но если это происходит в Пекине в 20 минутах от площади Тяньаньмэнь, то, я думаю, поверить в непричастность к этому правительства – центрального правительства – гораздо сложнее.

Я также попыталась взять интервью у адвоката-правозащитника Пу Чжицяна, и это в мой последний месяц. Сейчас Пу Чжицян, безотносительно моих попыток проинтервьюировать его, находится в заключении, и это, мне кажется, многое говорит о положении в области прав человека в Китае.

И последнее, что я хотела бы сказать, потому что я часто слышу это от многих студентов в материковом Китае и от людей, спрашивающих меня, почему я так критикую Китай в своих репортажах. И я хочу сказать, что сейчас, работая в Сан-Франциско, я критикую американское общество, те вещи, которые не должны происходить. Мне кажется, что журналисты в своей основе просто негативные люди. (Смех.) И мы должны быть такими, по крайней мере, в своей профессиональной деятельности. Когда я не на работе, я на самом деле позитивный человек. (Смех.)

Но вот я здесь, Государственный департамент попросил меня выступить в этом обсуждении, и чтобы подчеркнуть, как работает свобода прессы, хочу сказать, что сегодня в эфир «Аль-Джазира» выходит мой репортаж с критикой в адрес Государственного департамента, где рассказывается об иске, поданном американцем йеменского происхождения против Государственного департамента и госсекретаря Джона Керри в связи с тем, что члены йеменской общины в Америке чувствуют себя гражданами второго сорта и они обеспокоены некоторыми нарушениями конституционных прав, которые их очень волнуют. Этот сюжет выходит в эфир сегодня, однако я здесь, и мне кажется, что очень важно подчеркнуть это, говоря о различиях. Спасибо.

ПОМОЩНИК СЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Спасибо. Спасибо, Мелисса. Ну, сюжет еще не вышел в эфир, поэтому вы пока на свободе... (Смех.) Но вы у нас под плотным колпаком, так что будьте осторожны. (Смех.) Мы, я думаю, сейчас дадим возможность нашей аудитории задать вопросы, так что если кто-то хочет принять участие, пожалуйста, сформулируйте свои вопросы. А пока вы готовите свои вопросы, позвольте мне задать один вопрос всем нашим экспертам.

Хочу спросить вас, когда вы пишете о Китае, находясь в Китае, на какую аудиторию вы ориентируетесь прежде всего? Пишете ли вы для только американской аудитории или же и для американской, и для китайской аудитории? А также, известно ли вам, как ваши репортажи читаются, воспринимаются и понимаются широкой китайской аудиторией, а не только сотрудниками служб безопасности, которые, похоже, следят за всем, что вы пишете?

Г-жа МАКЛАФЛИН: Да. То есть, я бы сказала – для обеих аудиторий. Существует опасность, когда пишешь репортажи в Китае, часто в конце концов пишешь за других людей, пишущих о Китае. Но я думаю, что если провести достаточно времени в поездках, то начинаешь понимать, что китайцы уделяют много внимания иностранным СМИ. Так что я думаю, что здесь существует двойная ответственность, так как вы пишете для американской аудитории, но также и для этой китайской аудитории, где СМИ так сильно ограничены. Поэтому довольно непросто найти правильный баланс, поскольку эти две аудитории так сильно отличаются друг от друга. Так что, я бы сказала, для обеих аудиторий. Не знаю. То есть, я думаю, моя основная аудитория всегда была американская, но я бы не удивилась, если.... примерно год назад я подготовила репортаж для BuzzFeed о китайском диссиденте, который сейчас живет в Нью-Йорке, и эта история разошлась в сети, прозвучала реально громко. И, как я понимаю, в конечном итоге этот репортаж прочитали столько же, если не больше, людей из Китая, потому что ее история подверглась такой жесткой цензуре в Китае.

Так что долю американской и китайской аудитории можно считать одинаковой, я думаю, и это нормально.

Г-н УЭН: Иногда происходят довольно странные вещи, когда китайские СМИ подхватывают вашу историю. Ваша... в основном, я думаю, что пишу для американцев, рассказываю Америке о Китае. Но, например, в случае репортажей о правах человека, бывали странные случаи, когда китайские СМИ, не имея возможности что-то освещать, подхватывают мою историю и говорят: «Вот это пропагандистская версия из США того, что они считают нашими проблемами», но по факту они говорят о моей истории. Вот я

подготовил репортаж об антикоррупционной кампании и как ведутся расследования официальных партийных функционеров, а поскольку эта тема является табу для китайских СМИ, ее подхватили местные СМИ, и даже «Синьхуа» иногда публиковало некоторые из этих материалов о правах человека, что является, действительно, странным.

Так что я согласен с вами. То есть обе аудитории одинаково важны.

ПОМОЩНИК СЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Да, пожалуйста.

ВОПРОС: Как слышно? Мне хотелось бы спросить о том, какой доступ вам удавалось получить к мероприятиям в Китае, и я имею в виду события в Пекине или публичные мероприятия, которые вы традиционно освещаете, а также такие события или мероприятия, которые обычно не освещаются вами. Как изменилась ситуация, и как вы ее видите сейчас?

Г-жа ЧЭН: Я отвечу на этот вопрос как телевизионный журналист. Я думаю, нам трудно не привлекать к себе внимания, когда мы тащим 12 ящиков с оборудованием, куда бы мы ни направлялись. До пекинской Олимпиады, как мы уже говорили, все было довольно гладко. Иногда возникали проблемы с чиновниками на местах, но стоило показать им текст закона – а мы всегда возили с собой его копию – и сказать «нам разрешено ездить по стране и разговаривать с людьми, которые согласны говорить с нами», и проблема стразу решалась.

Мне показалось особенно интересным, что в последние два года моей работы в Китае появилось такое постоянное обстоятельство – всякий раз, выезжая в рабочую поездку, мы готовились играть в «кошки-мышки», зная, что нас рано или поздно поймают. То есть вопрос заключался в том, «когда нас поймают», а не «поймают ли нас». И при этом предмет репортажа не играл никакой роли. И это было... конечно, субъективно говоря, и, я думаю, статистики тут нет..., то есть меня не связывали... я не знаю опыта других репортеров, но это была реальная проблема. Просто становилось все хуже и хуже.

Мы, как телевизионная группа, работали так: если прилетаешь в какой-то аэропорт и регистрируешься в гостинице, то надо представить свой паспорт и визу, с них снимают фотокопии и отправляют по факсу в полицию. Так что они знают, что вы здесь. Поэтому, если хочешь избежать этого, одной из наших стратегий было прилетать в ближайший аэропорт и проделывать изнурительное – как вы понимаете, Китай – большая страна, – изнурительное путешествие, восемь или девять часов на машине к месту репортажа, который мы хотели делать, чтобы они как бы не знали, почему мы там находимся. И... или мы просто не снимали гостиницу и, да, спали неважно.

И мы также всей телевизионной группой приезжали, скажем, в деревню при первых лучах солнца и уезжали оттуда через пару часов. Мы давали себе окно в два часа, потому что именно через это время появляются черные машины и начинают чинить нам проблемы. Помню, мы были в Синьяне и ехали в Урумчи-Кашгар – девятидневная поездка. Когда мы прилетали на самолете, где бы мы ни садились, нас поджидали два автомобиля, которые потом следовали за нами повсюду. Из-за этого было невозможно разговаривать с людьми, не подвергая их опасности. И в каждой машине было четверо, и эти люди сменяли друг

друга, куда бы мы ни пошли, и они ходили вокруг нас и снимали нас или просто наблюдали за нами.

И становилось все хуже, а работать при таких условиях очень трудно. Такая вот забавная история. Нам хотелось узнать побольше о будущем президенте, Си Цзиньпине, что вполне объяснимо, не так ли? Итак, мы поехали опять в его... одну из деревень, где он жил когда-то в молодости, и мы решили ехать 1 января, думая, что местные чиновники после праздничных возлияний накануне не смогут так молниеносно приехать в деревню. И так и вышло. Так что приходилось продумывать все факторы, чтобы добиваться своего. Но кто-то из местных позвонил властям и сообщил, что приехали телевизионщики, и властям потребовалось дольше обычного, чтобы прислать своих людей. А мы сняли то, что хотели снять и убрались оттуда, но видели, как те подъезжают.

Г-жа МАКЛАФЛИН: А можно.. а вас полиция в этой деревне не останавливала? Потому что меня местные власти останавливали в этой деревне, и они были на микроавтобусе службы планирования семьи, что выглядело, я должна сказать, очень устрашающе. Что они от меня хотят? (Смех.)

ВОПРОС: У меня есть вопрос... простите, уже включено? Окей, отлично. Вопрос касается иностранных журналистов, освещающих события в Китае, находясь вне Китая. И мне хотелось бы спросить, есть ли какие-либо угрозы, отличные от связанных с работой внутри Китая, с которыми сталкивались бы журналисты за пределами Китая? Мы слышали об атаках на вебсайт «Нью-Йорк Таймс» и сайты других СМИ, но мне хотелось бы спросить, известно ли вам об угрозах непосредственно журналистам.

Г-жа МАКЛАФЛИН: Вы имеете в виду журналистов, делающих репортажи о Китае из других стран?

ВОПРОС: Да.

Г-жа МАКЛАФЛИН: Окей. Что ж, могу вам сказать, что согласно отчету Федеральной комиссии США по связи произошел тревожный рост числа попыток оказать влияние на новостное освещение событий в Китае за его пределами. Поэтому на журналистов оказывается давление со стороны посольств КНР в странах, где находятся эти журналисты или их работодатели. Был такой пример в Таиланде, насколько я помню, связанный с репортажами о Тибете. И была пара таких случаев. Мне известно, что некоторые мои репортажи для «Гардиан» в 2013 году о контрафактных лекарствах в Африке спровоцировали некоторое давление на пекинское бюро «Гардиан». А репортажи делались не в Китае, они снимались в Танзании и Уганде.

Так что, действительно, наблюдается увеличение давления во всем мире. Я сама точно не знаю, что происходит, потому что непосредственно со мной это не происходило, но по разным признакам видно, что предпринимаются попытки влиять на освещение новостей о Китае из мест за пределами Китая.

Г-н УЭН: Особенно в связи с появлением новых способов запугивания, например, через интернет. В интернете нет границ. Я писал о Госдепартаменте в течение двух или двух с половиной лет до переезда в Китай. За это время я много писал о Китае, а у Gmail есть

такая функция, которая сообщает вам об атаке госструктур и что кто-то пытается взломать вашу почту. Так я и другие репортеры «Вашингтон Пост» получали такие сообщения, даже не находясь в стране или в Пекине.

ПОМОЩНИК СЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Софи. Или...

ВОПРОС: Здравствуйте. Мой вопрос относится к демонстрациям в Гонконге в прошлом году, а также к предстоящим выборам в Тайване. Мы знаем, что общественные события подвергаются жесткому контролю китайской цензуры, но как демонстрации в Гонконге изменили ландшафт в средствах массовой информации в Китае, если такие изменения действительно произошли?

Г-н УЭН: Не могли бы вы немного уточнить? То есть как...

ВОПРОС: Как эти демонстрации, освещение демонстраций в Гонконге, изменили китайские СМИ, как в смысле цензуры, так и в смысле восприятия таких событий широкой публикой.

Г-н УЭН: Протесты в Гонконге были интересны тем, что это было кошмаром каждого партийного руководителя. И они немедленно отключили «Инстаграм», потому что много информации распространялось «вирусными темпами» с помощью фотографий. А мы провели такой неформальный опрос из нашего офиса, позвонили и поговорили во время этих протестов примерно с 30 людьми по поводу того, насколько они осведомлены о происходящем и какие у них взгляды на эти события. И результат был поистине обескураживающим, так как я увидел, насколько эффективно осуществлялась цензура новостей, что только государственные информационные каналы... все государственные средства печати и вещания могут использовать информацию только одного информационного агентства, «Синьхуа», при освещении таких деликатных тем. И я понял, что это работало очень эффективно – люди думали, что это были какие-то пустяки, выступления гонконгцев с необоснованными претензиями, что они просили дать им больше, чем они заслуживали. И здесь сложно сказать, насколько сильно влияет на это память китайцев о событиях на площади Тяньаньмэнь, и так далее, но мне кажется, что этот метод цензуры оказался очень эффективным, и я думаю, что в некотором смысле он будет основным методом в будущем, к сожалению, для их властей.

Г-жа ЧЭН: Да, я хотела бы добавить, что, по-моему, события в Гонконге... я хочу сказать, что это не сулит Гонконгу ничего хорошего. В 1997 году на Гонконг возлагались надежды, что он приведет к либерализации Китая, но мы видим, что все произошло совсем не так. Репортеры – подвергаются запугиваниям. Владельцы независимых изданий – подвергаются очень сильным запугиваниям. И это – «дивный новый мир» Гонконга, очень страшный, если честно. Полиция, всегда пользовавшаяся уважением в Гонконге за неподкупность, сейчас воспринимается так, как никогда раньше – как враг. А ведь там как раз процветает гражданское общество, и мы видели какой силой оно обладает, но мы также видели его пределы, и видели реакцию на это китайского правительства.

И, к сожалению, мы видим такие методы, которые раньше применялись только в материковом Китае, а сейчас – в Гонконге, против участников движения «зонтиков» и так

далее. И мне думается, что сейчас наступили тревожные времена для этого города-государства.

ВОПРОС: Здравствуйте. Меня зовут Софи Ричардсон. Я – директор «Human Rights Watch» по Китаю. Спасибо, Том, за это сегодняшнее мероприятие. А самое главное, спасибо всем вам за ваши блестящие репортажи на темы прав человека за последние несколько лет. Ваша работа, по моему мнению, существенно повысила стандарты в этой сфере. Я же хочу оставаться верной принципам демократии и предоставлю вам право выбирать вопросы. (Смех.) Первый вопрос, не мог бы кто-то из вас высказаться на тему того, что может изменить логику Пекина в отношении иностранных репортеров в Китае. И еще, Кэтлин, вы сказали, что в течение короткого времени те новые правила соблюдались, а затем их стали фактически игнорировать, и что, по вашему мнению, можно сделать, чтобы вернуть те условия.

Мелисса, ваши слова о самоцензуре заставляют сжиматься сердце, потому что вы все не смогли написать всего того, что хотели написать, и некоторые истории, что остались не рассказанными, были, наверное, важны для нас. И если бы кто-то из вас согласился бы рассказать немного о тех историях, которые вы не смогли написать, это было бы очень интересно. Спасибо.

Г-жа МАКЛАФЛИН: По поводу того, что может вернуть ситуацию к прежнему, лучшему состоянию, у меня нет никаких идей. Я хочу сказать, что, по моему мнению, изменения 2008 года были временным послаблением, потому что создается именно такое впечатление. И я также думаю, что Китай в 2015 году при нынешнем режиме плотно закрыт от международного давления, и что в 2006-2008 годах была некоторая открытость и восприимчивость к международному давлению. То есть причина, по которой правила были изменены, кроется в проведении Пекином Олимпиады, и они пошли на все эти уступки в отношении свободы прессы для китайских репортеров и зарубежных СМИ, чтобы заполучить Олимпийские игры. Они ожидали прибытия в Китай сотен зарубежных журналистов. Поэтому они были вынуждены пойти на это.

Я... что бы произошло, если бы они получили право проводить предстоящую Зимнюю Олимпиаду? Я не знаю. Я действительно... за все время моего пребывания там я не видела Китай таким закрытым от международного давления. Я думаю, что Китай сейчас находится в позиции силы и мощи и, возможно, не считает необходимым прислушиваться к мнениям извне. Так что ответ мой пессимистичный, но по ощущениям 2008 год был временным исключением.

Г-жа ЧЭН: Да, Олимпиада в 2008 году была особым временем, и я думаю, что важно сравнить нынешнюю заявку Китая на проведение Зимней Олимпиады, заявку Пекина на Зимние Олимпийские игры в 2022 году, потому что мы говорим не о тех же вещах, о которых говорили в 2008 году. На пути к 2008 году доводы МОК сводились к тому, что это будет «дебютом» Китая. Произойдет либерализация. Все будет великолепно. Это прекрасный шаг для поощрения движения Китая в правильном направлении. Но сейчас мы о таких вещах не говорим. Поэтому в каком-то смысле Китай победил в этом споре, потому что никто уже не спрашивает... Пекин, никто не оказывает давление на Пекин, говоря «так, надо сделать А, Б и В для обеспечения свободы прессы, чтобы набрать больше голосов, чем Алматы». И мне кажется, что об этом нам надо серьезно

поразмышлять. В 2006-2007 годах мы говорили о таких вещах. А сейчас мы не поднимаем эти темы, говоря о последней заявке [Пекина на проведение Зимней Олимпиады].

Что касается вашего вопроса о самоцензуре, то вспоминаются два момента. В то время в Вукане, одной из деревень провинции Гуандун, разворачивалась уникальная ситуация. А мы не поехали туда. Мы не поехали. А жители этой деревни восстали и собирались строить демократию в своей маленькой деревне, проводить выборы, и требовали перемен. Вторым моментом были самосожжения на Тибете, и мы все знали, что это очень важная тема. Что... насколько сильными должны быть мотивы у людей, чтобы сжигать себя заживо, чтобы сделать заявление? И это не один или два человека, их было так много. И мы очень хотели освещать эту тему, но по ряду причин – не только давление, под которым мы находились, но и организационные моменты, поиск людей, готовых разговаривать с нами, чтобы не подвергать их опасности. Но это, конечно, было фактором. И в этом, к сожалению, нет ничего хорошего.

И да, оглядываясь назад на 2008 год, я думаю что китайские власти пошли на те изменения, как бы стиснув зубы и говоря себе «хорошо, недолго надо подождать, а в 2009 году мы все вернем обратно и будем делать то, что мы хотим, и свернем свободу прессы». И я помню конкретный момент в 2009 году, летом, когда я поняла, что олимпийский праздник закончился, а вместе с ним и открытость, и свобода массовой информации. И я стояла в пустых кабинетах (неразборчиво), офис группы адвокатов, юристов-правозащитников, и их офис был разгромлен, власти забрали все документы. То есть в офисе ничего не осталось. Было, может быть, кресло и стол, а так никакой мебели. А мы пришли туда брать интервью у Тэн Бяо, который впоследствии оказался в тюрьме.

По поводу самоцензуры я забыла упомянуть важный для меня момент: ко мне обращались за советом молодые американские журналисты, начинающие или собирающиеся начать работу в Китае. И они уже мыслят в категориях самоцензуры: «Я хочу делать много репортажей о Китае, но буду избегать X, Y, Z, потому что я видел что случилось с вами, с Полом Руни из «Рейтерс», что происходит в войне на истощение, ведущейся против «Нью-Йорк Таймс» сейчас в Китае», и они меняют свое поведение, а ведь речь идет о следующем поколении американских журналистов, призванном информировать американскую общественность об очень важных отношениях – сино-американских. И они меняют свои стандарты, а мне кажется, что это совсем нехорошо.

Г-н УЭН: Я хотел добавить… по поводу вашего первого вопроса, я тут сидел и думал об этом, и знаете, этим вопросом задаются, наверное, все. И это вопрос о том, что нам делать в отношении свободы печати, чтобы развивать ее? И мне кажется, так сказать, с пессимистической точки зрения, максимум, что мы можем сделать – это не позволять и далее урезать свободу печати. И если бы мы смогли сделать это, то, как бы грустно это ни прозвучало, это было бы большим достижением. Потому что если посмотреть на ситуацию с визами для сотрудников «Нью-Йорк Таймс» – им не дают новые визы, и они не могут отправлять репортеров в Китай. Где-то год назад, когда казалось, что даже последние несколько сотрудников «Нью-Йорк Таймс» могут не получить визы, Джо Байден....

(конец записи)

# # #